

УДК 94(470+571)“17/1917”
ББК 63.3(2)52-6

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ: Н.С. КИНЯПИНА КАК УЧЕНЫЙ И КАК ЛИЧНОСТЬ

Н.П. Страхова

В статье анализируется научное наследие Н.С. Киняпиной как крупнейшего специалиста по истории внешней политики России XIX века, уделяется внимание ее педагогической деятельности. Кроме того, автор вспоминает, каким замечательным человеком была Н.С. Киняпина.

**Киняпина
Нина Степановна**

Ключевые слова: *внешняя политика, Россия, XIX век, научное наследие, историография, МГУ им. М.В. Ломоносова, ученый, педагог, личность.*

Студенческие и аспирантские годы, проведенные в стенах МГУ им. М. В. Ломоносова, остаются самыми яркими страницами моей жизни. Я благодарна всем, кто меня учил (среди них было немало известных истори-

ков). Но прежде всего я благодарна моему научному руководителю – заслуженному профессору Московского государственного университета, доктору исторических наук Нине Степановне Киняпиной, которой, к прискорбию, уже нет среди нас. В конце 2010 г. исполнилось 90 лет со дня ее рождения. Родная кафедра отметила эту дату специальным заседанием. Но, к сожалению, ни в «Вестнике

Московского университета», ни в других центральных научных журналах по историческим наукам я не обнаружила ни одной заметки о юбилее. Как ученица хочу, пусть даже и с опозданием, восстановить справедливость, восполнив этот досадный пробел. *Посвящаю данную статью светлой памяти моей дорогой Нины Степановны Киняпиной.* Мне бы хотелось охарактеризовать ее не только как талантливого ученого, преподавателя, но и как удивительного человека.

Доктор исторических наук Владимир Владимирович Дегоев как-то сказал обо всех нас, учениках Нины Степановны, что «мы – дети одной матери». Это действительно так: Нина Степановна была второй мамой всем своим ученикам, очень внимательной, очень доброй, очень заботливой и вместе с тем справедливой и требовательной, когда дело касалось наших научных трудов. Хочется найти какие-то необыкновенные слова, чтобы выразить свою безмерную любовь и благодарность, но найти их трудно: какие эпитеты ни подбери – их все равно будет мало, и всей сути они не смогут выразить. К тому же рамки статьи ограничивают мой порыв. Тем не менее я попробую воссоздать во всей многогранности дорогой мне образ.

Н.С. Киняпина родилась 10 декабря 1920 г. в селе Кадом Рязанской губернии. Склонность к гуманитарным наукам, проявившаяся еще на школьной скамье, привела ее на исторический факультет МГУ, который в 1942 г. она с отличием окончила. Поработав некоторое время учителем в средней школе, с 1944 г. Н.С. Киняпина начинает преподавательскую деятельность в вузе. Вначале это был МГИМО (Институт международных отношений), а с 1950 г. и до последних дней жизни – МГУ. Скончалась Нина Степановна на 83-м году жизни 11 октября 2003 года.

Прежде всего скажу о Нине Степановне как об *ученом и педагоге*. Она была широко известна в научных кругах у нас в стране и за рубежом как специалист по проблемам внешней политики России XIX века. В 1980 г. за цикл работ по истории внешней политики ей была присуждена высшая награда Московского государственного университета – Ломоносовская премия. В 1992 г. Кембриджский международный биографический центр (Вели-

кобритания) присвоил ей почетное звание «Человек XX века» и «Женщина 1992–1993 гг.». Итог научной деятельности Н.С. Киняпиной – более 200 публикаций, среди которых монографии, десятки статей, рецензии, доклады, главы в учебниках по истории России и по источниковедению (список трудов см.: [19, с. 24–31]).

В 2000 г., когда Нина Степановна была в добром здравии, полна творческих замыслов, торжественно отмечалось 50-летие ее работы на кафедре отечественной истории XIX – начала XX в. исторического факультета Московского университета и 80-летие со дня рождения. К данному событию был приурочен выпуск сборника статей ее учеников [там же]. Первые две статьи сборника содержат анализ научной [21] и педагогической [4] деятельности юбиляра. Авторы этих статей М.А. Чепелкин и В.А. Георгиев – не только ученики Нины Степановны, но и коллеги по кафедре. Они с такой любовью пишут об учителе, что в своем очерке я не смогла удержаться от цитирования некоторых их высказываний.

Н.С. Киняпина – глава научной школы и *талантливый педагог*. К ней, как верно подметил В.А. Георгиев, можно в полной мере отнести афоризм В.О. Ключевского: «Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь» [4, с. 23]. Под руководством Нины Степановны было написано и успешно защищено более 150 дипломных работ, свыше 30 кандидатских и докторских диссертаций. Среди ее учеников такие известные историки, как В.А. Георгиев, С.Л. Чернов, В.В. Дегоев, Л.Б. Хорошилова, Н.Е. Аблова, Р.С. Бзаров, Т.К. Кененсариев, В.Г. Тунян, В.М. Безотосный, О.В. Маринин, О.Р. Айрапетов, М.А. Чепелкин, болгарка Нина Дюлгерова и многие другие. Нина Степановна щедро дарила своим ученикам научные идеи, а при обсуждении избранных для исследования сюжетов поражала знанием большей части литературы и источников по каждой проблеме.

Школу Нины Степановны прошли представители многих национальностей: из бывшего Советского Союза и из-за рубежа. Это объясняется не только разрабатываемыми Ниной Степановной внешнеполитическими проблемами, ее бесспорной неординарностью как

ученого, но и чисто человеческими качествами: к ней тянулись люди. И всех своих студентов и аспирантов, какой бы национальности они не были, Нина Степановна воспитывала «в духе благожелательного отношения к России и правильного понимания двигательных мотивов ее внешней политики» [4, с. 23].

Мое общение с Ниной Степановной не прекращалось с момента знакомства в 1972 г., когда она читала лекции на нашем втором курсе. Кроме того, мне повезло, что именно в моей группе Нина Степановна вела семинарские занятия. Полагая, что без научных дискуссий время будет потрачено впустую, она приучала нас уже на втором курсе отстаивать свое мнение, радовалась, когда студенты осмеливались с нею спорить, приводя весомые аргументы. Это были удивительные занятия!

Помню первую ее лекцию, когда эта красивая, элегантно одетая женщина заговорила о марксистско-ленинской методологии. Она сказала, что К. Маркс и Ф. Энгельс были политиками, а не историками, к тому же не любили Россию. Поэтому нельзя принимать их суждения о нашей стране как бесспорные, необходимо учитывать время и цели написания той или иной статьи, эволюцию воззрений классиков марксизма, степень овладения к тому моменту русским языком и т. д. Подчеркиваю: шел 1972 год. Это было смело, необычно, как, впрочем, и все остальное, что Нина Степановна говорила на лекциях. Восхищало не только то, *что* она говорила, но и то, *как* она это говорила. Она обладала несомненным литературным даром и умела так построить фразу, что ее лекции не только давали пищу для ума, но и неизменно доставляли эстетическое наслаждение. Когда же я узнала, что Нина Степановна занимается внешней политикой России XIX века и что мой французский язык пригодится в работе с источниками, то, не раздумывая, попросилась к ней на специализацию. Эта встреча – самая большая удача в моей (уже довольно долгой) жизни. Конечно, я была не самой талантливой ее ученицей, но смею надеяться, что одной из любимых. Под ее руководством я написала три курсовые работы (на II–IV курсах), дипломную работу и кандидатскую диссертацию. Темы моих исследований были разными, но я не помню, чтобы Нина Степановна обнару-

жила свою некомпетентность в каком-то из рассматриваемых мною вопросов. Могу свидетельствовать, что она была потрясающим научным руководителем – эрудированным, требовательным, но одновременно доброжелательным! Суровая критика на полях наших работ перемежалась похвалами, если какое-то высказанное нами суждение ей понравилось. Она умела поддержать ученика, помочь ему поверить в свои творческие возможности, избавиться от комплексов. И делала это очень тактично.

Не могу не сказать еще об одной существенной, на мой взгляд, детали, характеризующей Нину Степановну как научного руководителя. К сожалению, у нее было плохое зрение, читала она, вооружившись очками с толстыми стеклами. По данной весьма уважительной причине она имела полное право отказаться от чтения наших работ в рукописном виде, однако она этого никогда не делала. Персональных компьютеров в пору моей учебы в университете еще не существовало, пишущие машинки для большинства студентов были непозволительной роскошью, а услуги машинисток стоили достаточно дорого. Понимая это, Нина Степановна даже настаивала, чтоб ей приносили рукописи, которые, судя по замечаниям на полях, она всегда добросовестно прочитывала. Распечатывались, как правило, лишь окончательные варианты работ. Правда, аспиранты уже старались обзавестись пишущими машинками, поэтому и первоначальные тексты подавались научному руководителю в отпечатанном виде.

Переходя к анализу *научного наследия* Н.С. Киняпиной, необходимо прежде всего отметить, что как опубликованные монографии и статьи, так и прочитанные в МГУ спецкурсы она всегда основывала на огромном количестве источников, среди которых преобладали архивные материалы, в особенности из Архива внешней политики России. А историографические разделы ее работ всегда свидетельствовали об отличном знании не только отечественной, но и зарубежной литературы по теме (на немецком, французском, английском и болгарском языках).

Думается, что среди специалистов по истории внешней политики России XIX в. нет равных Н.С. Киняпиной, поскольку диапазон

ее научных интересов чрезвычайно широк. Ее кандидатская диссертация, подготовленная под научным руководством академика Н.М. Дружинина, была посвящена русско-австрийским отношениям конца 1820-х – начала 1830-х годов. Особое внимание автор уделила анализу слабоизученных аспектов проблемы, прежде всего – Мюнхенгретским и Берлинским конвенциям 1833 года [2, с. 253].

Однако научные интересы Нины Степановны не ограничивались лишь внешней политикой России. Интерес к экономической истории страны накануне реформ 1860-х гг. вылился в написание ряда статей и докторской диссертации, защищенной в 1965 г. и опубликованной в 1968 г. в виде отдельной монографии [16]. Эта работа внесла много нового в изучение промышленной политики российского правительства во второй четверти XIX века. В ней были подвергнуты аргументированной критике «упрощенные представления о внутренней политике Николая I только как о политике реакционной, тормозившей развитие производительных сил страны» [21, с. 7]. Подводя итог, автор констатировала преемственность промышленной политики российского правительства «порепороченных десятилетий и в дореформенное время» [16, с. 441].

Необходимо особо подчеркнуть, что труды Нины Степановны Киняпиной заставляли по-новому взглянуть на наше прошлое. «Она была первой из советских историков, громко заявивших о присутствии национальных интересов во внешней политике самодержавной России. Это в 1958 г. было воспринято как научная ересь. Однако последующие исследования доказали справедливость ее суждения» [4, с. 22]. Имеется в виду статья «Ункяр-Искелесийский договор 1833 г.», в которой подчеркивалось, что данное соглашение полностью отвечало национальным интересам России, а правительство Николая I проводило в русско-турецких отношениях взвешенную и мудрую политику. Точка зрения о том, что объективно российские самодержцы выражали и защищали в своей внешней политике национальные интересы России, стала основополагающей в концепции Н.С. Киняпиной. Как верно отмечалось в российском электронном журнале «Мир истории» (2000, № 5), «ей всегда было свойственно патриотическое воспри-

ятие отечественной истории, независимо от политической конъюнктуры или научной моды».

Выход в свет ее двух взаимосвязанных работ «Внешняя политика России первой половины XIX века» (М., 1963) и «Внешняя политика России второй половины XIX века» (М., 1974) также стал заметным событием в научном мире. Остановимся на анализе этих двух трудов подробнее.

В *первой* книге [10] дается периодизация внешней политики России в первой половине XIX в. (с конца XVIII в. до Заключительного акта Венского конгресса – первый этап; от образования Священного союза в 1815 г. до Крымской войны и Парижского мира 1856 г. – второй этап) [там же, с. 4]. Довольно подробно рассмотрены не только проблемы европейской политики, но также Восточный вопрос, русско-китайские и русско-американские отношения. Особого внимания заслуживают главы, посвященные Отечественной войне 1812 г., заграничным походам русской армии в 1813–1814 годах. В параграфе о русско-турецкой войне 1828–1829 гг., одним из итогов которой стало обретение Грецией автономии, а затем и независимости, автор, не отрицая неблагоприятных деяний царизма на международной арене, подчеркнула объективно-прогрессивную роль России в судьбе балканских народов [там же, с. 146].

Эта же мысль проводилась во *второй* книге [11], в главах о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., приведшей к освобождению Болгарии от турецкого гнета [там же, с. 162–189]. В то время данная концепция была благожелательно встречена балканскими историками, о чем свидетельствует, в частности, написанная совместно советскими (среди которых была и Н.С. Киняпина) и болгарскими учеными коллективная монография «Россия и освобождение Болгарии» [20]. В настоящее время не все на Балканах разделяют такую точку зрения. Однако это не означает, что ее необходимо пересматривать (суждения Нины Степановны никогда не были голословными).

Третий раздел книги «Внешняя политика России второй половины XIX века» [11, с. 223–268], в котором анализируется политика России в Средней Азии, свидетельствовал о включении в круг научных интересов Нины Степановны новой проблемы – взаимоотно-

шения России с народами, вошедшими в ее состав в XIX веке. Данный раздел, действительно, имел «самостоятельный исследовательский характер» [3, с. 149]. Огромное количество ссылок в подстрочнике позволяет судить об источниковой базе работы. Это опубликованные законодательные акты, мемуары, переписка, а также – материалы центральных архивов и государственного архива Узбекской ССР, что позволило автору сделать аргументированные выводы. Рассматривая процесс продвижения России в Среднюю Азию как завоевание, Н.С. Киняпина отрицала традиционную точку зрения о приоритете экономических причин. Она подчеркивала: «Вся предшествующая присоединению Средней Азии политика русского правительства свидетельствует о том, что главными ее мотивами были соображения политические: стремление ослабить позиции Англии на Среднем Востоке, не позволить Лондону создать там блок государств, направленный против России, получить от Англии уступки в ближневосточном вопросе» [11, с. 246]. Экономический фактор в 50–80-е гг. XIX в. «играл важную, но вспомогательную роль» [там же, с. 274]. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на тяжесть законов, «установленных русским правительством в Средней Азии, ее присоединение к России имело прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития края» [там же].

Изучение этой новой темы было продолжено в статьях и в коллективной монографии, написанной в соавторстве с осетинскими историками М.М. Блиевым и В.В. Дегоевым [13]. В качестве объекта исследования берется уже не только Средняя Азия, но и Кавказ, поскольку, как справедливо сказано в одной из статей Нины Степановны, «несмотря на различие географических условий, времени присоединения этих территорий к России, в их развитии было много общего» [6, с. 35]. Это касается и административной политики России в обоих регионах.

И в статьях, и в упомянутой выше коллективной монографии [13], в которой перу Нины Степановны принадлежит раздел о Средней Азии, особое внимание рецензентов привлек методологический подход к нацио-

нально-государственному строительству на окраинах Российской империи. Такой подход можно назвать новаторским. В советской историографии господствовало мнение, что национальные окраины были колониями России. Тщательно изучив положение окраин и методы административного управления ими, Н.С. Киняпина пришла к совершенно иному выводу, что «так называемые окраины отнюдь не являлись колониями в классическом понимании этого термина. Они не были для России ни источником сырья, ни рынком сбыта вплоть до начала XX века» [3, с. 149]. В заключении книги подчеркивалось: «Отсутствие границ, отделявших метрополию от окраин, служило не столько географическим, сколько политическим фактором. Это заставляло самодержавие считаться с местными особенностями регионов: процессы, происходившие в центре и на окраинах, имели непосредственную связь, в отличие, например, от английских владений в Индии» [13, с. 317].

Коллективный труд «Восточный вопрос во внешней политике России конца XVIII – начала XX века» [1], ответственным редактором и одним из авторов которого была Н.С. Киняпина, – это еще один аспект ее исследовательского интереса. Здесь были определены географические (только владения Османской империи!), хронологические (конец XVIII – начало XX в.) рамки Восточного вопроса как международной проблемы, раскрыто его содержание (обо всем этом подробно говорится во введении, автором которого как раз и является Нина Степановна). Ею написан также раздел данной книги, который называется «Восточный вопрос во внешней политике России второй половины XIX века». Автор подчеркивала, что поддержка Россией борьбы балканских народов против национального угнетения объективно содействовала «делу их социального развития» [там же, с. 198]. Такого масштабного, обобщающего труда в историографии еще не было. С привлечением огромного количества источников и исследований (как отечественных, так и зарубежных) были рассмотрены практически все аспекты политики России в Восточном вопросе.

Исследование Восточного вопроса Нина Степановна продолжила в ряде статей (см., например: [17]) и в своей последней моногра-

фии [8], которая до сих пор не утратила актуальности, поскольку и в наши дни имеют место политические спекуляции по территориальным вопросам между созданными на Балканах независимыми государствами. Как верно отмечает один из рецензентов, «появление новой книги Н.С. Киняпиной интегративного характера представляет собой вклад в разработку сложнейшей темы балканской политики России» [18, с. 159–160].

В книге были показаны усилия России, направленные на предотвращение новых войн на Балканах, всесторонне исследована проблема проливов Босфор и Дарданеллы. Констатируя наличие единой стратегической линии внешней политики России на Ближнем Востоке в конце XIX в., Н.С. Киняпина подметила и некоторые различия в ее тактике для 80-х и 90-х годов. Так, например, разработкой программ, связанных с проблемой проливов, русское правительство занималось более активно в 80-е, нежели в 90-е годы [8, с. 201].

Особо нужно отметить то внимание, которое Нина Степановна уделяла личностям монархов и государственных деятелей. В ее трудах мы находим блестяще написанные портреты Александра I, статс-секретарей по иностранным делам России И. Каподистрии и К.В. Нессельроде (впоследствии – министр иностранных дел), министра финансов Е.Ф. Канкрин, туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана и многих других. Специальные биографические работы посвящены военному министру Д.А. Милютину (см.: [12]) и товарищу Пушкина по Лицею министру иностранных дел А.М. Горчакову (см.: [7]). Биографии своих героев автор прослеживает на широком историческом фоне, вводя в научный оборот новые документы и по-иному интерпретируя уже известные материалы. Как современно звучит приведенная Ниной Степановной фраза из циркуляра Горчакова, направленного русским послам за границей после Крымской войны: «Говорят, Россия сердится. Россия не сердится, она собирается с силами» [там же, с. 42]!

В последние годы жизни Нину Степановну интересовал Николай I. Прочитанный студентам спецкурс и две опубликованные статьи (см.: [9; 14]) способствовали некоторой реабилитации самодержца и убеждали,

что «личность и политика Николая I не укладываются в привычное понятие “самодовольная посредственность с кругозором ротного командира”» [9, № 2, с. 151]. «При категоричности и жесткости суждений император чувствовал время» [14, с. 39]. По мнению Н.С. Киняпиной, Николай I «первым понял своеобразие России как евразийской державы, имеющей свои специфические особенности, определяющие задачи внутренней и внешней политики» [3, с. 152].

Существенным был вклад Нины Степановны в *историографию внешней политики России*. Она выступила в качестве рецензента многих монографий и большинства томов серии документов Российского министерства иностранных дел «Внешняя политика России XIX и начала XX века» (ВПП). Как никто другой она хорошо знала и широко использовала в своих работах материалы фондов Архива внешней политики России (ныне – это Архив внешней политики Российской империи). Не случайно сотрудники архива при подготовке ВПП неоднократно обращались к ней за консультациями. В своих рецензиях Нина Степановна не просто перечисляла достоинства данной беспрецедентной публикации. Она выделяла и практически вводила в научный оборот многие ранее не известные документы. Это касается, например, опубликованного в VIII томе ВПП текста Акта о создании Священного союза с правкой, сделанной рукой австрийского министра иностранных дел Меттерниха. Поправки, придавшие Акту более реакционный характер, доказывают, что Меттерних покривил душой в своих мемуарах, отрицая значение для Австрии данного документа [15, с. 149–150].

Особое место в исторической науке занимает коллективный труд «Итоги и задачи изучения внешней политики России: советская историография» (М., 1981). Нина Степановна в соавторстве со своим учеником В.А. Георгиевым написала 4-ю главу, в которой не только обстоятельно проанализированы многие монографии и статьи по истории внешней политики России с конца XVIII и до середины XIX в., но и высказаны собственные концептуально важные суждения, например относительно характера заграничных походов русской армии в 1813–1814 годах. С точки зре-

ния авторов, поскольку реставрация старых порядков в Европе после разгрома Наполеона не могла быть всеобъемлющей, «неправомерно полностью противопоставлять войну 1812–1813 гг. походам 1814–1815 гг. <...>. Война 1812–1815 гг. на всем ее протяжении была направлена на завершение освобождения Европы от власти Наполеона. Огромное значение приобрел национально-патриотический подъем народов против господства Наполеона. Правители Европы должны были считаться с этим фактом, хотя и преследовали свои реакционные цели» [5, с. 206]. Авторы подчеркивали, что Александр I понимал необратимость исторического процесса, хорошо осознавал глубину изменений, произведенных французской революцией. В качестве аргумента приводились слова русского царя из письма английскому министру иностранных дел Англии Каслри, опубликованного в IX томе ВПР: «Есть страны, где упорно пытаются сразу же возродить институты, изжившие себя. Там слишком мало считаются с новым мировоззрением народов, которые надлежит постепенно привести к устойчивому порядку и миру» [там же, с. 205].

В этой же 4-й главе авторами выдвигается собственная, на мой взгляд очень верная, концепция «эпохи конгрессов Священного союза»: они предлагают разграничить деятельность данной организации и Четверного союза. По их мнению, историки неправомерно включают в деятельность Священного союза Аахенский конгресс 1818 года. «Представляется, – настаивают Н.С. Киняпина и В.А. Георгиев, – что Аахен – последняя конференция Четверного союза» [там же, с. 208]. До 1818 г. Четверной союз играл роль политической организации, а Священный союз «в это время был в большей степени идеологической, чем политической организацией. Лишь после Аахена и особенно в начале 20-х гг. XIX в., в период бурного развития революционного движения в Европе, Священный союз, усиленный Францией, начал выполнять конкретные политические, контрреволюционные задачи» [там же].

Здесь уместно вспомнить, что, критикуя расценивая взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса, Н.С. Киняпина, тем не менее, видела в их высказываниях рациональное зерно. Так, она

считала значимой для оценки характера заграничных походов цитату из работы К. Маркса «Революционная Испания»: «Всем войнам за независимость, которые велись против Франции, свойственно сочетание духа возрождения с духом реакционности» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 10, с. 436). Это «сочетание» было характерно и для первых лет существования Венской системы международных отношений.

Хотелось сказать несколько слов о Нине Степановне не только как об ученом и педагоге, но и как о *замечательном человеке*. Рядом с нею *все* неизбежно менялись к лучшему, и в научном отношении (под ее строгим руководством совершенствовались исследовательские навыки), и в чисто человеческом (увлекая своим личным примером, она как-то незаметно нас воспитывала, приучая к чтению новинок художественной литературы, посещению театров и выставок в музеях, к тонкому межличностному общению).

На защите кандидатской диссертации я, пусть не в академической манере, но искренне высказалась о *школе Киняпиной*. И сейчас подпишусь под каждым произнесенным тогда словом. Это была не просто научная школа, школа дерзновенных мыслей по истории внешней политики России. Это – школа интеллигентности, порядочности, благородства, чуткости. А для аспиранток – это еще и школа женственности. Нина Степановна была настоящим ученым, ее талантливые труды отличала четкая структура, аргументированность и строгая логика суждений. И в то же время она была «очень женщина», что особенно изумляло и подкупало. Как-то она сказала своим аспиранткам: «Никогда не унижайте себя равенством с мужчинами». Эти слова мы запомнили на всю жизнь.

Думаю, не я одна с особой теплотой вспоминаю чаепития на кафедре, когда Нина Степановна, многие ее коллеги и ученики засиживались допоздна: такими интересными были разговоры за чашкой чая с бутербродами и пирожными, купленными в факультетском буфете, как правило, на деньги Нины Степановны (так она нас подкармливала). А каким гостеприимным и хлебосольным был ее дом! Общение с Ниной Степановной и ее супругом, доктором исторических наук милейшим Ва-

димом Владимировичем Гармизой, в их уютной квартире оставило неизгладимое впечатление. Не только аспиранты, но и члены их семей бывали здесь не раз, и в будни, и в праздники. Но день 8-е Марта Нина Степановна любила особенно. И не потому, что ждала презентов. Совсем нет: в этом вопросе она была весьма щепетильна. Просто она любила общаться с учениками. Поэтому 8-е Марта было объявлено в ее доме «днем открытых дверей». В этот день можно было приходиться в гости даже и без приглашения. Обычно мы «вваливались» к ней дружной толпой с тортом, шампанским, красивым букетом цветов (она очень любила цветы). А нас уже ждал щедро накрытый стол. И всем своим ученицам в этот праздник Нина Степановна обязательно дарила подарки. Чувствовалось, с какой любовью они выбирались для каждой из нас.

У меня дома на самом почетном месте стоят книги Нины Степановны, оттиски журнальных статей. Как дороги эти дарственные надписи на книгах и статьях! Ее неповторимый почерк, такой родной... Мы очень быстро научились его разбирать, ибо, как я уже писала, редакционных замечаний, впрочем, как и одобрительных отзывов, на страницах наших опусов всегда было немало.

Я сохранила письма от нее, поздравительные открытки и телеграммы. Их немного, так как в основном мы общались по телефону. Но в них запечатлены самые важные вехи моей жизни и неизменная поддержка Нины Степановны. Так, в один из тяжелых для меня периодов она написала: «Крепитесь, родная. В справедливость верю. Мы же с Вами хорошо плаваем. Неужели не выплывем? Целую и люблю». И я «выплыла»...

Нина Степановна была на редкость тонким человеком. Не нужно было рассказывать, как тебе плохо. Она это чувствовала на интуитивном уровне и бросалась на помощь. И то была не только моральная поддержка: если требовалось – и материальная. Она умела найти слова утешения в горе и очень искренне разделить радость. Конечно, и ученикам хотелось быть чем-то полезными любимому научному руководителю, но убедить Нину Степановну принять нашу помощь было непросто. Всегда щепетильная в подобных вопросах, она считала, что *неэтично пользоваться*

служебным положением и обращаться с личными просьбами к тем, кто от нее в какой-то мере зависел.

Заслуженный профессор МГУ Нина Степановна Киняпина была талантливым ученым, мудрым педагогом, замечательным, по-настоящему интеллигентным, уникальным человеком и в душе каждого, кому посчастливилось общаться с нею, оставила неизгладимый светлый след.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. / отв. ред. Н. С. Киняпина. – М. : Наука, 1978. – 434 с.
2. Георгиев, В. А. Нина Степановна Киняпина : [некролог] / В. А. Георгиев, М. А. Чепелкин, С. Л. Чернов // Новая и новейшая история. – 2004. – № 1. – С. 252–254.
3. Георгиев, В. А. Н. С. Киняпина как исследователь внешней политики России XIX века / В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, М. А. Чепелкин, С. Л. Чернов // Вопросы истории. – 2004. – № 12. – С. 147–154.
4. Георгиев, В. А. Учитель и педагог / В. А. Георгиев // Россия в XVIII–XX веках. – М. : Кн. дом «Университет», 2000. – С. 16–23.
5. Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. – М. : Наука, 1981. – 389 с.
6. Киняпина, Н. С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке / Н. С. Киняпина // Вопросы истории. – 1983. – № 4. – С. 35–47.
7. Киняпина, Н. С. Александр Михайлович Горчаков / Н. С. Киняпина // Вопросы истории. – 1997. – № 12. – С. 34–62.
8. Киняпина, Н. С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898) / Н. С. Киняпина. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 208 с.
9. Киняпина, Н. С. Внешняя политика Николая I / Н. С. Киняпина // Новая и новейшая история. – 2001. – № 1. – С. 192–210 ; № 2. – С. 139–152.
10. Киняпина, Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX в. / Н. С. Киняпина – М. : Наука, 1963. – 288 с.
11. Киняпина, Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX века / Н. С. Киняпина – М. : Высш. шк., 1974. – 280 с.
12. Киняпина, Н. С. Дипломаты и военные. Генерал Д. А. Милютин и присоединение Средней Азии / Н. С. Киняпина // Российская дипломатия в портретах. – М. : Междунар. отношения, 1992. – С. 221–238.

13. Киняпина, Н. С. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX в.) / Н. С. Киняпина, М. М. Блиев, В. В. Дегоев. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 328 с.

14. Киняпина, Н. С. Николай I: личность и политика / Н. С. Киняпина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 2000. – № 6. – С. 8–40.

15. Киняпина, Н. С. Первая серия публикации документов Российского министерства иностранных дел / Н. С. Киняпина, В. А. Георгиев // Новая и новейшая история. – 1977. – № 1. – С. 143–151.

16. Киняпина, Н. С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20–50-е гг. XIX в.) / Н. С. Киняпина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 454 с.

17. Киняпина, Н. С. Черноморские проливы в планах правительственных кругов России (80-е гг.

XIX в.) / Н. С. Киняпина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 1995. – № 5. – С. 3–10.

18. Косиц, В. И. [Рецензия] / В. И. Косиц // Отечественная история. – 1996. – № 1. – С. 159–162. – Рец. на кн.: Киняпина, Н. С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898) / Н. С. Киняпина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 208 с.

19. Россия в XVIII–XX веках. Страницы истории : К 50-летию научной и педагогической деятельности в Московском университете заслуженного профессора Н. С. Киняпиной. – М. : Кн. дом «Университет», 2000. – 256 с.

20. Россия и освобождение Болгарии / под ред. И. А. Федосова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 191 с.

21. Чепелкин, М. А. Мастерство ученого / М. А. Чепелкин // Россия в XVIII–XX веках. – М. : Кн. дом «Университет», 2000. – С. 5–15.

WORD ABOUT TEACHER: N.S. KINJAPINA AS A SCIENTIST AND AS A PERSON

N.P. Strakhova

The author of the article analyses the scientific heritage of N.S. Kinyapina who was the largest expert in the field of the history of the Russian foreign policy in the XIXth century; special attention is also paid to her pedagogical activities. Besides, the author presents the warmest reminiscences about N.S. Kinyapina as a bright individual.

Key words: *foreign policy, Russia, the XIX century, scientific heritage, historiography, the M.V. Lomonosov Moscow State University, scholar, teacher, individual.*